

ПРИКАЗЫ 7-Й УРАЛЬСКОЙ ДИВИЗИИ
ГОРНЫХ СТРЕЛКОВ.

№ 110.

Действующая армия 9 января 1919 г.

§ 1.

Друзья! 6 августа м. г. я покинул к формированию дивизии.

7 августа первая же созданная полурота уже получила боевую задачу и 9-10 августа мы отразили натиск врага на Баклановскую. Прошло 5 месяцев, и в самую решающую битву дивизия занесена уже более 100 победных боев и сражений.

Мы, формируясь, одновременно учились району дуба и дрались с предателями Родины — большевиками.

Алабаевский, Татил, Горободатский, Желтоножников, уезды и, наконец, Кушурь — победные этапы в Вашей священной борьбе за освобождение России.

Ни превосходящие силы врага, ни сильнейший ружейный огонь, ни морозы до 30 градусов, ни снег по пояс, не останавливали Вашего народа вперед.

Ваша доблестнейшая военная дивизия, упорство и стремительность в боях, действительность создали дивизию исключительную боевую славу.

Вашей же военной доблести я обязан тем, что на днях, в г. Омск, я особенно тепло был принят Верховным Правителем Адмиралом Колчаком, который просил меня передать Вам его особенно сердечный привет и утвердил постановление Георгиевской Думы о награждении меня за доблестные действия дивизии на полях высшей боевой награды — Орденом Св. Георгия Победоносца 4-й ст.

Ваша генералы, офицеры и стрелки.

Ваша дивизия и служба дивизии я понимаю не только весь свой опыт и свои знания, но и душу, и теперь я безмерно горжусь Вашими боевыми успехами, живу и дышу вашей жизнью.

Начальство предложило мне занять высшую должность — Командира 3-го Уральского Корпуса горных стрелков, в состав которого входят и дивизия.

Я не принял, по я не ухожу от Вас.

Я счастлив продолжать с Вами борьбу за благо, счастье и величие нашей истоптанной, истерзанной и поруганной Матери — России.

Мечтаю с Вами вместе пойти к священным местам Кресту в Москву.

Всем Вам, друзья, находиться как в строю, так и в штабах, Умывайтесь и умывайтесь дивизии, за всю Вашу гигантскую и самоотверженную работу и исключительно славою боевую деятельность низко

кланяюсь и приношу от всего сердца искреннюю, задушевную благодарность.

Вот в помощь Вам и вперед.

Подлинный подписка: Генерал-лейтенант Голицын.

№ 111.

Действ. армия 9 января 1919 г.

§ 1.

Сего числа я прибыл из служебной поездки в Штаб Группы, Корпуса и Армии.

§ 2.

3 января Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий призывает меня за боевые отличия — в Генерал-лейтенанты со старшинством с 9 октября 1917 года.

§ 3.

Приказом Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего от 3 января произведены за боевые отличия в Генерал-майоры Командиры полков: вырешенный миф дивизии со старшинством:

25 Восточного Адмирала Колчака —

Полковник Тюринский с 7 августа 1918 г.

26 Шадринский — Полковник Иванюк с 23 августа 1918 г.

27 Камышловский — Полковник Тарасовский с 10 августа 1918 г.

28 Ирицкий — Перновский — Полковник Некрасов с 29 ноября 1918 г.

§ 4.

3 января с. г. Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего назначил и. д. Начальника Штаба дивизии Полковника Ротен и. д. Начальника Штаба 3-го Уральского Корпуса горных стрелков. Полковнику Ротен сдать должность Начальника Штаба Штабс-Капитану Любу и отправиться к месту назначения.

О сдаче и приеме должности.

§ 5.

Приказом Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего от 25 декабря 1918 г. я назначен Командиром 3-го Уральского Корпуса горных стрелков.

§ 6.

Постановлением Георгиевской Думы 6 января с. г. при Ставке чествоан награжден Орденом Св. Георгия 4-й степени. Постановление от 7 января утверждено Верховным Правителем и Верховным Главнокомандующим.

СРАВКА: Денежная Верховного Правителя 7 января № 77 и Денежная Верховного Главнокомандующего 6 января с. г. за № 2056-й.

§ 7.

Отправляясь сегодня к месту нового служения приказываю Генерал-майору Тюринку поступить во в. командование дивизией на законном основании.

Подлинный подписка: Начальник дивизии

Генерал-лейтенант Голицын.

Скрипиль: Начальник Штаба

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

Полковник Ротен.

шить бойцов, именно в этом году транспорт за транспортом высаживались в Европу американские войска.

И там, где появлялось новое знание, германские удачи сражений и наступление, широко аудуманное Гинденбургом, потерпело фиаско. Если «ставку на первом» не выдержали много из союзников, то именно в этот год пришел черед и для Германии. В том же году парламентский комитет заместителей военачальников, ген. фон-Риббентроп, прочитав роковую записку для Германии: «Мы вынуждены перейти к обороне».

Это значило, что Германия потеряла инициативу на полях боя, что наступил в военном положении на западе коренной переворот. Действительно, начиная с августа месяца франко-американской и англо-американской войска всюду переходила в наступление. Это и катастрофа австрийской армии на р. Пиаве уже явно склонялось всем в сторону союзников.

Таким же темпом и по той же линии развивались военные операции и в течение всего сентября, когда союзники усиливали свои сандовские фронты и пожимали свои армии на догнать. Союзники войска, разорвав болгарскую армию на две части, наделили ее так же иракские, что в войска царя Фердинанда началась волнения и бунты, и болгарская армия всякую боевую сопротивляемость, не смотря на все усилия германского командования.

Первого октября болгары уже подписали сепаратный мир с союзниками, и эту дату нужно считать новым фазисом мировой войны — это было началом конца для Германии. Этот удар на Балканах окончательно разрушил все планы Германии и закрывал ей путь к Азии и Персии, причем Салоникский фронт неожиданно быстро для германского штаба приблизился к границам Астрии.

Центральные державы поставлены были в невозможность получать из Турции и Болгарии ни человеческого боевого материала, ни продовольствия. Турция же оказалась совершенно изолированной. Все это вместе с прекращением на минуту морской блокады поставило центральные державы в безвыходное положение.

Калигуляция Турции стала неизбежной, и она считала только косяком дойти до 1 ноября и сдать союзникам.

Австро-Венгрия, в пределах которой ходили всемирные сербские полки, начала бы разрушать изнутри, и славянские племена, предчувствуя новую эру для своего политического бытия, уже слагались из новых государств. Германия же держалась, но и у кого уже не было никаких заблуждений, что она побеждена и выбирать лишь удобный случай попросить мира. Силы ее иссякли, и нервы не выдержали.

Громче и повелительнее в это время раздавался по всему миру благородный голос Вильсона, и уже ясно и определенно с каждым днем вырисовывался путь к миру. Почти незаметно, незаметно до мировых предложений Германии, рассыпавшись так называемая «скупная австрийская империя». Правительства кайзера Вильгельма и пангерманистов, созная всю безвыходность положения Германии, принуждены были через посредство Швейцарии просить 6 октября перемирия у Соединенных Штатов.

Во избежание дальнейших осложнений, германское правительство — заставит этот, подписание Моксом, принцип Вильсона, и перекрестки капитализма, — предлагает установить немедленное всеобщее перемирие на суше, на море и в воздухе.

Но это мирное предложение знаменовало и полную победу союзного оружия, но и победу начал права в международных отношениях. Те, кто в начале войны разорвали «скупные бумаги», объявляющие их оравней нейтралитета Бельгии, теперь говорили: «Германское Правительство принимает в основу мирных переговоров программу, заложенную президентом Соединенных Штатов во его послании к конгрессу 8 января 1918 г. и последующих его заявлениях, в особенности в его обращении от 27-го сентября 1918 г.»

Вполне естественно, что искренность Германии относительно принятия программы Вильсона и даже вообще ее цели перемирия были заложены, эти полководцы отчасти оправдали. В промежуток времени между 12 октября, когда Германия дала свое согласие на условия перемирия, выработанные Америкой, и 7 ноября, когда она послала парламентеров к маршалу Фошу, — была проведена германским правительством и пангерманистами политика военной авантюры, осложнявшейся внутренними неурядицами в Германии.

По словам «Forwirts», предполагалось, что «Пангерманисты выработали план окончательного грандиозного морского боя, в котором Германия должна была покончить со всеми своими кораблями и 80 тысячами человек. Флот получал приказ выйти в море 23 ноября, людям же сказали, что будут маневры. Но они перехватили письма Флора и узнали о готовящемся сражении.

В результате был составлен флот, который быстро переключился, благодаря агитации независимых социалистов, в армию, и командование было поставлено перед фактом, — как можно скорее ликвидировать войну. Седьмого ноября было послано предложение маршалу Фошу заключить перемирие, а в след за тем были посланы и парламентеры, быстро согласившиеся принять продолжительные условия капитуляции, несмотря на все их тяжесть.

Это востание флота и было началом германской революции, приведшей Вильгельма к отречению от трона и провозглашению и до сих пор в разных фазах своего развития. Но на этом мы не будем останавливаться подробно, ибо анализ германской революции не входит в рамки нашей статьи.

Мы отметили только, что военный разгром центральных держав и их внутренняя потерянная вынудила на арену истории разрозненную до того, но великую и могучую славянскую семью. Возрождаются государства: Польское, Чехословацкое и Сербия. Словенское, объединяющее вокруг себя другие племена, а до России все выше и выше истойчивее возмущается Россия Прикарпатской Русью, жаждающей воссоединения с ней.

Воскресли Бельгия и Люксембург, Эстония и Латвия, приобщившиеся к прекрасной Фавии, Италия обрела свои области и теперь весь мир готовится к мирной конференции, где должны будут окончательно закрепиться права и обязанности всех и ко всем.

Вот то огромное счастье, какое зав-

шавшее ушедшей 1918 году — новому. Это счастье так сложно и огромно, что нам в настоящее время еще нельзя позволить себе роскоши взглянуть в детали прошлого, а необходимо направить все усилия, чтобы уловить и разгадать грядущее. Нам русским в особенности. Ибо насколько мы были в стороне от международных отношений в минувшем году, настолько в текущем — мы оказались в самой гуще этих отношений. Твердо и стойко мы должны защищать все права своей Великой Родины, но никто не может нас обязать за то, что сдано большевиками. Та, кровь, которую мы момента октябрьского переворота и до сего дня проливали истинные сыны России, борясь с «Советской», не дадут никому никакого права упрекать за это русский народ.

Верусь.

Принцип наибольшего благоприятствования или принцип взаимности.

В настоящее время уже всем стало ясно, что те международные экономические отношения, которые господствовали до войны, должны быть перестроены на новых основаниях. Известно, что эти отношения стали подвергаться серьезной критике и признаваться неудовлетворительными еще до войны. В декабре 1917 г. во многих культурных государствах, в том числе и в России, наступили серьезные окончания действия старых торговых договоров и заключены новые. Уже в 1916 г. у нас, как и в других государствах, наблюдался большой интерес к вопросу о международных торговых договорах.

Вне это тем более естественно, что сами причины войны, главным образом, если не целиком, должны быть отнесены к сиюминутным, а последние годы стоиком развивались экономические интересы. Если это так, то в высшей степени интересно наметить принципы будущих экономических взаимоотношений нашего Отечества и других государств. Справедливо, останется ли Россия в вышней степени наибольшего благоприятствования или примет принцип взаимности? Какой из этих двух принципов может дать нашему народному хозяйству наибольший выход?

Принцип наибольшего благоприятствования, как известно, заключается в том, что всякая льгота и преимущество, предоставляемое одной из двух договаривающихся сторон третьей, распространяется немедленно и безусловно и на вторую сторону. Следовательно, принцип наибольшего благоприятствования, это — некая, льгота которого постоянно находится в зависимости от новых обязательств, принятых на себя государствами. Принцип взаимности сторон определяется поименом воли, механически. Этот принцип оный выводит для капиталистически-сильных стран, т. е. он обеспечивает побуждающую производящих на вышнем рынке. Принцип наибольшего благоприятствования стал господствовать с начала XVIII в., т. е. с времени выступления Англии в качестве крупной торгово-промышленной державы. Англия постепенно проводила в жизнь этот принцип, и эти были перенесены в его действиях, надо признать, что до войны они охватывали и его предпринимавшие бою часть государств мира.

Но, кроме принципа наибольшего благоприятствования в высшей экономической политике изобилие принцип взаимности. Этот принцип вытекает из взаимоотношений государств момент индивидуальных особенностей. Условия взаимоотношений взаимности по праву: уступка за уступку. Следовательно, принцип взаимности выносит ясность и определенность в отношении государств. Эти последние получают свободу, необходимую для достижения наиболее выгодных условий их интересов в торговле. Из наиболее крупных государств принципа взаимности придерживались Соед. Штаты.

Если мы обратимся к России, то увидим, что наше Отечество долгое время государств придерживалось системы индивидуальных соглашений и только в 1859 г. под влиянием Англии, усвоило принцип наибольшего благоприятствования. С этого времени до самого начала войны почти все наши торговые договоры строились на этом принципе. Но так как Россия вплоть до 1894 г. придерживалась автономного таможенного тарифа, одинакового для всех государств и рассчитанного только на производство нашего народного хозяйства, то обязательство наибольшего благоприятствования практически сводилось к обязательству не принимать репрессивных мер для благоприятствуемых наций.

До 1894 г. Россия вынуждена была отклоняться от автономной политики, установившей тарифы с общим таможенным тарифом для всех государств, или так называемую конвенционную политику, на основании договора с Германией, Австро-Венгрией и др. государствами, которым в то же время предоставлялись права наибольшего благоприятствования наций. Эта система дифференциации экономических взаимоотношений на основе наибольшего благоприятствования оказалась выгодной для России, т. е. с этого времени принятия этой системы в 1894 году началось постепенное и систематическое превращение России в колонии Германии.

Если это так, то очевидно, что вопрос о сохранении этой системы в будущем не может не вызывать серьезных сомнений. Поэтому, спрашивается: какой же из двух принципов вышней экономической политики наиболее отвечает интересам и нуждам России — принцип наибольшего благоприятствования или принцип взаимности?

То обстоятельство, что принцип взаимности неуклонно и последовательно с полными успехами проводился до самого последнего времени крупнейшим промышленно-аграрным государством мира — Соед. Штатами, что Россия с 1892 по 1859 г. во всех своих договорах держалась принципа взаимности без всякого ущерба для своего народного хозяйства и, наконец, то обстоятельство, что вся совокупность вышних экономических условий, в которых волею судьбы поставлена Россия, обязывает нас самым деятельным образом заботиться о нашем народном хозяйстве, — все это говорит за принятие принципа взаимности в наших внешне-экономических отношениях.

И в самом деле, отказ от принципа

наибольшего благоприятствования, представляющего выгоды высоко-промышленных стран на вышнем рынке, и принятие принципа взаимности не может представлять нашему экспорту, т. е. нужда в привозном хлебе в европейских государствах совершенно неустраивая без участия России. Наши американские друзья в № 1 «Дружественного Слова» говорят: «Промышленное население нашего народа в мир заинтересовано тем, чтобы русские поля были засяны, урожай собран и желбыны дороги приведены в действие, так чтобы каждый излишек продукции мог быть дешево доставлен».

Отсюда ясно, что принятие принципа взаимности не может вредить нашему вывозу в смысле таможенных репрессий другим государствам.

Что же касается ввоза к нам промышленных изделий и колониальных товаров, то в этом отношении система индивидуальных соглашений по праву взаимности может принести нам только выгоды, т. е. при этой системе за все наши уступки мы в силах будем требовать компенсации. Наконец, при необходимости строгой деятельности в отношении нашего народного хозяйства, нам крайне важно, в качестве фундамента всей нашей экономической политики в отношении других государств, принять принцип взаимности, чтобы внести ясность и определенность в наши внешне-экономические отношения и чтобы получить свободу, необходимую для более соответствующих нашим интересам условий товарообмена.

И. Ф. Виттол.

Книга.

В жизни литератора есть беззастенчиво много самых обыкновенных, будничных сторон, столь же скучных и однообразных, как и во всякой иной «жизни», но на ряду с этим в ней встречаются ослеп, вечно обновляющийся праздник — это книга.

В час, когда десятки и сотни тысяч «хлебных» людей мчатся в свои департаменты, канцелярии и конторы — насаско промоторы утреннюю газету, берясь за книгу.

И тотчас начинают обустраивать беззастенчиво вереницы образов, мыслей и ощущений, погружая в атмосферу ступенчатой жизни; и в течение нескольких часов, на протяжении сотни страниц, проходят события и лица, которые в обыкновенной, реальной обстановке или не встретились никогда, или — случайно.

Тяжелый фолант в сафьяновом переплете с тисненными золотом буквами уносит тебя по ту сторону Средиземного моря, — бродя меж пирамид и сфинксов, сдвигая за выходящим ономаном катакомб или за клипсисом иероглифов, переключаясь на язык за тысячелетия, наблюдая мудрое оплобание жизни степерских ниль в людской памяти народов.

Маленький томик, с продолговатыми страницами, выкрипав тайну юргов, научив нас, к тому же, в аржиком обнаруживая скрытость сокровенного, а плотный сукот in quarto том — философской философии — бросает в темноту и сырые извилины мысли свистящих логических построений.

В тихие, молчаливые, зимние вечера, когда слышно, как за окнами в потугахном арбатском переулке хрустит снег под ногами рыхлых прохожих, как музыканты гонимые к рулю или пивец пробуют молотом — открывавшие книгу стихов, и звучный сонет или пивец рондо, сладкая прелесть новеллы итальянского квартетного или оварователая легкость поэмы Мадариз — услаждают грустную душу.

Жизнь в стихах, бышаея невзволно поощаея во все нагнбы книжного дна.

Самыми о нагнбных изданиях, знаея о печатных книгах знакомых и друзей и жене, когда в нагнбный срок принесут свей, пахнущий краской экземпляр, с автографом автора, который развиваея со любовью и любознательностью, зарекая анал его дналь фронтисписа, кто ли сал астанки, и пр., и пр.

В редких иногда ждуть неожиданности: среди присланных «для отзыва» книг вдруг обнаруживаея какую-нибудь, нововольно заинтересовавшую или темой, или именем автора, перелеставшая не наскоро и, с тайными предчувствиями найти отзугу ханувшимся мыслям, бережно уносить ее домой.

Вызвать горькая разочарования: послать первую же страницу швыряея, обманувшую надежды книгу, пишущую злую рецензию.

Неожиданными открытиями дарить издания и книжные магазины, куда захоишь нзрда, чтобы поомотить «новости». Эти находки бываюя всегда интересны, несли та жизнь книги, которая проходит на виду.

Умы! Странные годы, переживаемые нами, аниши нас елишком много. И как знаея: среди беззастенчивого ряда изданий — бы обычном обиход жизни, елишком остро опущенных, — бы может, тяжелой всего алы и на душу отдышка человека, любящего книгу, и на жизнь днаго общества — этого, развиваея до крайних предель «книжный голод».

Вид ми не знаем, в чем ждуть нас последние и жестокие расклады.

Но жуткое, почти невыносимое состояние хепываея ады в этих провинциальных городках при полном отсутствии книг.

Жизнь тихая, безблужная, кто прав прославная покоем, днаа беззастенчиво на неабаеых основах быта. Книга была ады вводишь мотивом в медленную медаль сна и не создала не только своей культуры, но и не оставила прочных следов своего бытия. Одна, дна библиотек на дналь город — с старыми, разрозненными изданиями.

В этой вынужденной оторванности, в этой вынужденной беззастенчивости, в малейшем провинциальном городке, в меплах об оварователом и умрающем Петруград и о любимой, снотой в тисках террористического насилия Москв — ощущаея такую, неугловую жажду о своей работ, о своем покой, о своем «ды» и в тоже время насладений — о книг...
Николай Тарабукин.

Пи Ыа о церковной жизни.

I.

О московском и томском соборах.

После февральской революции 1917 года враги русского народа начали ее углублять и кричали: «за революцией должна следовать реформация». Они

воображали, что жизнь православия представляет из себя такую оксаметь, которая не может ни в какой степени регрессировать на события жизни.

К сожалению, самая беззастенчивая история показывает, что православие давало много поводов для таких заключений. Действительно, сколько раз в царствование Николая II церковью могла и имела быть основана, скажем свое авторитетное слово. После 1906 года сколько хороших слов было сказано о «предстоящем» соборе. Было даже царское письмо к митрополиту Антонию об общенародном созыве собора. Но митр. Антоний умер, а все его заместители — только умбили ушорно молчать, «бывая» обязанностью свою служить Богу и людям в службе Божией правды.

В конце концов, рбь о соборы начали считать принаком политический неблагонажности. Соборный церков в России оставался по прежнему церковью только синодской. Эта русская синодская и кроны, в лице своих руководителей готова даже была сдаться тяжкое и торжественное преступление пред кафедрой великого Златоуста, и внести изменения в жизнь Константинопольского патриархата, если бы русские войска пошли до врат Парырадских. — Но Бог судил ина: нецерковные руки чиновников в расе и чиновников без расы не коснулись церковных дналь древнейшей преемства. Господь не попустил этого ужасного нарушения церковных законов.

Случилась революция, и все человеческие планы разлетелись в прах: русский войска перестал служить своему отечеству и забавля о Парырад, а руководители церковной жизни, анигда не приуваея себя к серьезному делу — совершенно не поналя т боевыми времени и пребывали в прежнем равнодушии к церковной жизни и к необходимости объединить вбрующихся людей в какую-нибудь организацию.

Очень понятно, что на этой почве создаея возможность говорить о грядущей церковной реформации, т. е. в ешеств дна не только о политическом, но и о духовном разложении России. Этим м-чтам о реформации, очень содействовало то обстоятельство, что бы синод оставался правильными иерархами те самые святители, которые умели только молчать за страшные предположительные мейсы и голы, когда правила церковной жизни были в полном прутении. Этот состав синода не понимал, что прежний великий больше впечатлительны производить не